

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 070.1
ББК 76.12

О.В. КРАСНОЯРОВА
кандидат искусствоведения, доцент
Байкальского государственного университета экономики и права,
г. Иркутск
e-mail: ov_kras@isea.ru, olgakrasnoyarova@rambler.ru

МЕДИА КАК СРЕДА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Рассматривается, как коммуникационные технологии изменили современную ситуацию: медиа стали средой современного человека, условием его жизнедеятельности, технологические изменения в коммуникации повлекли изменения в способах восприятия и познания. Называются основные факторы, создающие новые возможности для коммуникации. Ставится вопрос о духовной составляющей происходящих в информационной среде трансформаций.

Ключевые слова: массовая коммуникация, медиа, медиафилософия, информационная среда, коммуникационные технологии, информационное общество.

O.V. KRASNOYAROVA
PhD in History of Arts, associate professor
of Baikal National University of Economics and Law, Irkutsk
e-mail: ov_kras@isea.ru, olgakrasnoyarova@rambler.ru

MEDIA AS ENVIRONMENT OF MODERN HUMAN BEING

The article examines how communication technologies changed the current situation: media became the environment of modern human being, the condition of their life, technological changes in communication caused changes in the way of perception and cognition. The author gives the main factors that create new opportunities for communication and puts a question about spiritual component of ongoing transformations in the information environment.

Keywords: mass communication, media, media philosophy, infomedia, communications technology, information society.

Ученый мировой величины Умберто Эко как-то опубликовал в чилийской газете «La Nación» статью «От мобильного к истине» (российский читатель может познакомиться с текстом на InoСМИ.Ru, где опубликовано собрание статей ученого [4]), в которой размышлял об изменениях в коммуникации нового «человеческого вида гомо мобилис». Поводом послужила книга Маурицио Феррариса «Ты где? Онтология мобильного». В ходе размышлений об отрицательных и положительных аспектах мобильного общения Эко пишет: «Из оптимистичных рассуждений мне импонирует отсылка к драме Живаго, который после многолетней разлуки видит Лару из окна трамвая (помните финальную

сцену фильма?), но не успевает соскочить вовремя и умирает. Будь у них мобильные, концовка была бы счастливой?» [4].

На наш взгляд, этот вопрос — о «счастлимом конце» — действительно сущностный философский вопрос. Технологии меняют не просто коммуникационную среду человека, расширяя ее и открывая возможности получения нового опыта, ранее недоступного, но они так же очевидно определенным образом меняют и самого человека. Например, пятилетний ребенок в середине прошлого века не гулял на детской площадке с мобильником в кармане, пространственные и временные ощущения у него были другие, а мир сказки у него не реализовывался в иллюзии

виртуального мира. При этом мир, вполне ощущаемого на физическом уровне психомоторики, так что у современного ребенка, играющего в компьютерные игры, виртуальное, воображаемое органически соединяется с физиологическим планом восприятия. Так или иначе, медиа стали средой человека, они везде и всюду. Как пишет В.В. Савчук, занимающийся медиафилософией, «...медиа не только становятся самостоятельными, но и *единственным*, или, усилив тезис, онтологическим условием существования человека. Они уже не являются техническими посредниками, транслирующими нечто, что в них самих отсутствует, что только через них передается, проходит, но сами предстают всепоглощающей и всеохватывающей средой, то есть реальностью опыта и сознания» [3, с. 10]. Действительно, медиареальность является тем, чем человек сегодня живет и в чем существует. Сознание человека эпохи Интернета не просто оперирует информацией как определенным инструментом, необходимым для познания действительности, сама медийная информация — тоже действительность, бытие, а не форма отражения.

Итак, современные медийные средства создают *новые* возможности для коммуникации. Назовем только три основных фактора (помимо прочих), проецирующих возможности для коммуникации с помощью медийных средств. Это:

- пространственное расширение/сжатие (с одной стороны, пространственное ограничение уничтожается средством коммуникации, «расширяя» коммуниканта в пространстве, который, находясь «здесь», получает опыт пребывания «там», с другой стороны, условно пространство коммуниканта всегда сжимается до пределов определенной информационной «точки», «места» — того пространства, в котором происходит/происходило транслируемое средством коммуникации событие);

- временная трансгрессия (даже если коммуникант смотрит на мобильнике фото/видео месячной давности или читает в газете анонс о событии, которое еще не произошло, но уже обсуждается публикой, — это содержание прошлого/будущего трансгрессируется в настоящее, оно становится содержанием настоящего момента данного человека, осуществляющего коммуникацию

с помощью этого средства, средство коммуникации дает опыт «всегда сейчас»; иными словами, временная трансгрессия — это своеобразный эффект перехода от «всегда уже»/«вот-вот, еще только» к «всегда сейчас», т.е. все, что транслируется средством коммуникации, становится актуальным именно в момент коммуникации, т.е. исключительно «сейчас»);

- трансцендентирование опыта (средство коммуникации делает возможным выход за ограничивающие пределы непосредственного телесного присутствия и организует некий опыт переживания человеком того, что не дано ему налично, иначе говоря, отсутствующее дается коммуниканту как присутствующее; средство «расширяет его вовне»).

Назвав эти факторы, обозначим, как они влияют на открытие новых возможностей коммуникации не просто как связи, но как со-общения.

Современные медиасредства, безусловно, устраняют «физический пространственный разрыв». Так благодаря тому же мобильному телефону люди стали, что называется, «доступны» вне зависимости от их местонахождения. Однако может ли эта же «доступность» создавать уже не пространственный, а, скажем так, психологический, духовно-интеллектуальный разрыв? Если раньше, как отмечает тот же Эко, мы всегда могли быть уверены и могли точно знать, где находится человек, с которым мы говорим по обычному стационарному телефону, то теперь такой уверенности и знания нет. Действительно, оно зыбко и призрачно. Собеседник может ускользнуть от нас, потому что он, во-первых, может коммуницировать с несколькими собеседниками сразу (разговаривая с кем-то, мы не застрахованы от того, что не услышим: «Извини, мне звонят по второй линии», и наше общение уже не будет ограничено рамками двух человек, произойдет вторжение третьего), а во-вторых, также и потому, что наш собеседник (как, впрочем, и мы сами) может благодаря медийному средству быть сразу в нескольких коммуникационных средах (которые, кстати, к тому же могут находиться в состоянии конфликта).

Таким образом, пространственное расширение/сжатие, а также временная трансгрессия, трансцендентированность опыта

как эффекты мобильной коммуникации заставляют нас постоянно «присваивать» чужую реальность физического присутствия, психоэмоционального состояния, восприятия чего-либо. Скажем, вы фотографируетесь на фоне Эйфелевой башни, и в то же самое время этот снимок видят ваши близкие в Санкт-Петербурге или Иркутске. Вы включаете режим видео, и ваши близкие видят знаменитую башню в том же ракурсе, что и вы, слышат ваши реплики, восклицания и вздохи. А через некоторое время этот снимок или видео могут увидеть в вашем блоге в сети вообще множество незнакомых людей, и он, этот фрагмент вашей реальности, начинает «жить», путешествовать по другим реальностям и становится для других опытом «сейчас». Таким образом присваивается чужой опыт времени–пространства, быта, бытия, и это «присвоение» делает их «доступными». И эта «доступность», в свою очередь, делает коммуникацию актуальной как присутствие «другого» и «Другого».

Вообще надо заметить, что эти идеи витают в воздухе. Например, американский философ Марк Роулэндс, анализируя то, как основные философские проблемы разрешаются посредством научно-фантастических фильмов, восклицает в начале своей книги: «Дело в том, что развитие культуры (в широком смысле слова) привело к тому, что человеческое сознание потеряло способность отделять себя от информационной среды, в которой находится» (курсив наш. — О. К.) [2, с. 9], т.е. сознание отождествляется с информационной средой, а значит, технологии, которыми оперирует информационная среда, глубоко пронизывают уже не просто материальную сторону жизни, но и ее духовную составляющую. Эти изменения пронизывают и всю социальную структуру общества.

Пожалуй, на сегодняшний день самым масштабным и фундаментальным трудом, описывающим современные процессы, стало грандиозное исследование Мануэля Кастельса. В 1996–1998 гг. свет увидели три тома его работы «Информационная эпоха: экономика, общество и культура». Хотя надо признать, что концепция информационного общества Кастельса подвергается серьезной критике, и прежде всего многие ученые критикуют его приверженность технологическому де-

терминизму. Действительно, все три тома названного исследования Кастельса пронизывает ведущий тезис о технологической революции как главном двигателе и причинно-следственном механизме всех современных социальных изменений. Тем не менее это не уменьшает значения исследования Кастельса, поскольку он предпринял попытку систематизации и обобщения многообразнейших явлений, закономерностей и тенденций, наблюдаемых сегодня в сфере практической жизни современного общества.

Кастельс уверен, что мы переживаем сейчас один из редких в истории моментов, когда происходит трансформация «материальной культуры», созданной индустриальной революцией, которая породила технологии производства и распределения энергии и материальных продуктов, в «информационную культуру», опирающуюся на технологии коммуникации и обработки информации. И если в индустриальной революции главную роль играли наука, информация и знания, то в информационно-технологической революции ведущее значение имеют наука и технологии, с помощью которых знания и информация генерируются. Плодами индустриальной революции (двигатель внутреннего сгорания, паровая турбина, электричество, телеграф и телефон) человечество пользовалось как готовым инструментом, тогда как технологическими инновациями, возникшими в ходе последней революции, люди пользуются в самом процессе обучения этим технологиям и овладения ими. Кроме того, осваивая данные инновационные технологии, пользователи в то же время развивают их с целью поиска новых областей их применения, продвижения их в новые области. «Новые информационные технологии являются не просто инструментами, которые нужно применить, но процессами, которые нужно разрабатывать. Пользователи и создатели могут объединиться в одном лице» [1, с. 52]. Кастельс с восторгом и воодушевлением пишет, что впервые человеческая мысль становится непосредственной производительной силой, а не просто решающим элементом производственной системы. Источником производительности становится воздействие знания на знания и дальнейшая их кумуляция. При этом доступность новых технологий обработки информации и коммуникации

является фундаментальным основанием всех этих процессов.

Ученый приходит к выводу, что новые информационные технологии оказывают воздействие на всю человеческую жизнедеятельность и устанавливают бесчисленные связи между различными ее областями, глобально изменяя экономику, они меняют и социально-политическую сферу. В конце XX в. изменились не виды деятельности человека, но технологическая способность использовать в качестве производительной силы информацию, знания. И конечно, Кастельс говорит о том, что кардинальные изменения произошли в сфере коммуникации. Исследователь вслед за другим знаменитым ученым Г.М. Маклюэном считает, что «алфавитное мышление» и письменное общение вытеснили аудиовизуальную систему символов и восприятий в мир искусства, опирающийся на сферу личных эмоций и общественный мир литургии. Однако алфавит создал «ментальную инфраструктуру для кумулятивной, основанной на знаниях коммуникации». Аудиовизуальная культура взяла затем исторический реванш в XX в., но, по мнению Кастельса, технологическая трансформация, сопоставимая по историческому масштабу с изобретением алфавита, воплотилась именно в интеграции различных способов коммуникации в *интерактивные информационные сети*. А это значит, что формируются *супертекст* и *метаязык*, которые впервые в истории объединяют устные, письменные и аудиовизуальные способы коммуникации. Происходит, как считает ученый, фундаментальное изменение коммуникации — в одной и той же системе интегрируются тексты, изображения, звуки, которые взаимодействуют и реализуются в режиме реального времени (или с запаздыванием) в глобальной сети и в условиях открытого, недорогого доступа. Коммуникация — главный фактор развития культуры. «Поскольку культура вводится и передается посредством коммуникации, сами культуры, т.е. наши исторически построенные системы верований и кодов, под влиянием новой технологической системы подвергаются фундаментальному преобразованию — с течением времени все больше и больше» [1, с. 315]. Кастельс говорит, что такая новая система еще не полностью охватила сферы деятельности и

ведущие сегменты населения, но она уже присутствует в системе СМИ, кардинально меняя ее. «Появление новой системы электронной коммуникации характеризуется ее глобальными масштабами, интегрированием всех средств массовой информации, и ее потенциальная интерактивность уже меняет нашу культуру и изменит ее необратимо» [1, с. 315]. Грядущую новую культуру Кастельс называет «*культурой реальной виртуальности*», возникновение которой обусловлено формирующейся мультимедиа-системой.

Раскрывая значение понятия «реальной виртуальности», Кастельс приводит любопытный пример из практики американской президентской кампании 1992 г. Тогда вице-президент Дэн Квэйл, выступая за традиционные семейные ценности, в одном из выступлений осудил главную героиню популярного в то время сериала Мэрфи Браун (ее играла актриса Кэндис Берген), одинокую работающую женщину, которая решила завести внебрачного ребенка. Квэйл охарактеризовал поведение героини сериала как неподобающее, разрушающее семейные ценности добродетельного общества. Это вызвало возмущение общественности, особенно работающих самостоятельных женщин. Сценаристы сериала среагировали мгновенно: в очередном эпизоде зрители увидели, как Мэрфи Браун, смотря по телевизору выступление политика (в котором Квэйл критиковал ее), резко ответила ему, выражая свою позицию и протестуя против вмешательства политиков в личную жизнь женщин. В результате сериал расширил свою аудиторию, а политик проиграл. Кастельс пишет, что «оба события были реальными», а «текст реального и выдуманного составлялся через диалог» [там же, с. 352]. В этом смысле виртуальность стала реальной, она оказала практическое влияние на процесс выборов. Ученый дает следующее определение реальной виртуальности: «Это — система, в которой сама реальность (т.е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом» [там же, с. 351–352].

Итак, Интернет, мобильник и вообще средства современной медийной коммуни-

кации, безусловно, устраняя «физический пространственный разрыв», «временной разрыв», смешивая в интерактиве реальное и виртуальное, которое становится фактором материальных последствий, вместе с тем актуализируют проблему интеллектуально-духовной стороны присутствия человека в мире. Такого присутствия, которое становится возможным только благодаря этим средствам и никаким иным. Другими словами, коммуникационные технологии предоставляют индивиду не только новую возможность социальной интеграции, но и интересный опыт самоидентификации через структурирование «субъективного режима» своего времени и пространства, моделирование своей информационной среды в том же режиме. Однако парадокс в том, что эти же коммуникационные технологии, с другой стороны, в какой-то мере лишают индивиду его индивидуальности, делая его опыт в глобальной информационной среде надын-

дивидуальным, усредненным, потому что это также опыт всех. Всех тех, к примеру, кто находится в этой среде и пространстве и оказывается включенным в восприятие какого-либо события этим медийным способом («реальность всех, а не для всех»). Однако несомненно, что взаимодействие индивида и современной информационной среды актуализирует перспективы развития возможностей восприятия реальности, которые появились благодаря новым медиа. Так, к примеру, если Феррарис говорит о «гомо мобилис», то Кастельс — о «сетевом человеке», соответственно речь идет о разнообразных изменениях в реальности опыта и сознания современного человека. Таким образом, в центре внимания зарубежных и отечественных ученых, изучающих современную массовую коммуникацию и ее средства, находятся актуальные вопросы *возможностей и условий* познания мира человеком «информационного общества».

Список использованной литературы

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
2. Роулэндс М. Философ на краю Вселенной: НФ-философия, или Голливуд идет на помощь: философские проблемы в научно-фантастических фильмах. М., 2005.
3. Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины // Медиафилософия: Основные проблемы и понятия / под ред. В.В. Савчука. СПб., 2008.
4. URL: <http://www.inosmi.ru/stories/03/03/03/3288/>.

Bibliography (transliterated)

1. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. M., 2000.
2. Roulends M. Filosof na krayu Vselennoi: NF-filosofiya, ili Gollivud idet na pomoshch': filosofskie problemy v nauchno-fantasticheskikh fil'makh. M., 2005.
3. Savchuk V.V. Mediafilosofiya: formirovanie distsipliny // Mediafilosofiya: Osnovnyye problemy i ponyatiya / pod red. V.V. Savchuka. SPb., 2008.
4. URL: <http://www.inosmi.ru/stories/03/03/03/3288/>.